

Р. И. Максиняев

Рецепция советского вождизма в русской прозе второй половины XX века (Юз Алешковский, А. Солженицын, Д. Андреев)

В статье анализируются рецепции образа вождя в романах Юза Алешковского («Кенгуру»), А. И. Солженицына («В круге первом»), Д. Андреева («Роза Мира») как различных модусах повествования – фантазмагорическом, реалистическом и метаисторическом. Цель исследования – выявить специфику рецепции феномена вождизма как важнейшего аспекта темы власти и властных структур в период правления Сталина. Автором применяются сравнительно-исторический, социокультурный методы и метод целостного анализа художественного произведения. Установлено, во-первых, что если у Солженицына образ Сталина максимально приземлён, то у Д. Андреева образы вождей поданы через их телесное инобытие как насмешка над атеистическими воззрениями и агитками марксизма-ленинизма. Во-вторых, Юз Алешковский десакрализует главные советологические мифологемы сакральности тела вождя, его сверхчеловеческих качеств с помощью приемов концептуализма, а также гротеска, абсурда. Наконец, в «Кенгуру» Юза Алешковского Сталин через преувеличенный образ гротескного тела изображён как больной и постепенно умирающий, тогда как фигура Ленина помещена в контекст танатологического дискурса как антитеза мифам о «вечно живом» вожде.

Ключевые слова: русская проза XX века, Юз Алешковский, А. Солженицын, Д. Андреев, тема власти, образ вождя.

Для цитирования: Максиняев Р. И. Рецепция советского вождизма в русской прозе второй половины XX века (Юз Алешковский, А. Солженицын, Д. Андреев) // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 2. – С. 141–154. DOI: 10.35231/25419803_2024_2_141. EDN: NVRWPC

О общеизвестно, что образы вождей как главных творцов новой – постреволюционной – реальности оказываются для мифологии соцреалистической литературы принципиально значимыми: именно они обеспечили успех революции как мирового триумфа, их мудрыми тактическими замыслами объяснялись все мыслимые и немыслимые успехи. Однако, как отмечает крупнейший историк литературы и культуры сталинской эпохи Е. Добренко, «тема вождя родилась и оформилась в советской литературе едва ли не первой,

ещё до того, как советская литература стала советской, ещё до революции» [9, с. 75]. Центральным героем-мифом в советской литературе, сместив Л. Троцкого [9, с. 81] и превратив в абстрактный миф В. И. Ленина («воплощение сталинской характеристики Ленина» [9, с. 80]), становится И. В. Сталин – главный демиург тоталитаризма советской России. Характерно, что, недоступный массам в реальности, в неофициальной советской литературе XX века он изображается максимально телесно и посредством сатирических приемов иносказания, абсурда, гиперболы, карикатуры и гротеска, с намеренным нарушением зоны «фамильярного контакта», нередко, говоря словами М. М. Бахтина, в образах «материально-телесного низа» [6]. В связи с этим актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления темы вождизма в неофициальной отечественной прозе второй половины XX столетия и выявления специфики её преломления на материале конкретных писательских практик.

Теоретической базой статьи явились фундаментальные работы Дж. Глэда [8], Е. Добренко [9–10], а также концепция смеховой культуры М. М. Бахтина [6].

Цель исследования – выявить специфику рецепции феномена вождизма как важнейшего аспекта темы власти и властных структур и осмысления периода правления Сталина в произведениях А. И. Солженицына, Д. Л. Андреева, Юза Алешковского. Цель определила задачи статьи: во-первых, осмыслить специфику «телесности» образа вождя у А. Солженицына и Юза Алешковского; во-вторых, обозначить концепцию десакрализации советских мифов в «Розе Мира» Д. Андреева; в-третьих, выявить особенности воплощения темы вождизма в «Кенгуру» Юза Алешковского.

Материалы и методы

Материалом исследования явились романы второй половины XX в., не вписывающиеся в официальный канон и репрезентирующие три различных модуса повествования: реалистический А. И. Солженицына («В круге первом»); метаисторический, или религиозно-мистический, Д. Л. Андреева («Роза Мира»); фантазмагорический Юза Алешковского («Кенгуру»). Подчеркнём, что внимание наше акцентируется на романе Юза

Алешковского «Кенгуру» (1974–1975; опублик. в 1981 г. в США), в котором, равно как и во всей прозе Юза Алешковского, активного участника альманаха «Метрополь», прозаика, поэта, сценариста, эссеиста, лауреата Пушкинской премии немецкого фонда имени Альфреда Тепфера, присуждаемой «за выдающийся вклад в русскую литературу» [13, с. 24], тема власти и властных структур, осмысление периода правления Сталина становится одной из ключевых. Кроме того, нами были использованы материалы словарей и энциклопедий, непосредственно коррелирующие с интересующей нас проблематикой [7; 14].

Для осуществления поставленных задач использованы следующие методы исследования: сравнительно-исторический, способствующий сопоставлению художественных воплощений образа вождя, а также выявлению сходства и различия в реализации темы вождизма в текстах русских прозаиков; социокультурный, позволяющий осмыслить эту тему в широком контексте отечественной словесности второй половины XX столетия; метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому тема вождизма рассмотрена в неразрывной связи с образным и проблемным уровнями романов.

Результаты

Рассмотрим «телесность» образа вождя в романах А. Солженицына и Юза Алешковского. В знаменитом романе А. И. Солженицына «В круге первом» (1955–1958, опублик. в 1978 г. в Париже) Сталин изображён с нарушением зоны «фамильярного контакта», с намеренным акцентированием читательского внимания на обыкновенной человеческой телесности вопреки его образу вождя народов, небожителя Кремля и специалиста и основоположника всех областей знаний (садовод, аграрий, языковед, полководец и т. д.), созданного для масс:

Имя этого человека склоняли газеты земного шара, бормотали тысячи дикторов на сотнях языков <...>. А он был просто маленький желтоглазый старик с рыжеватыми (их изображали смоляными) уже редеющими (изображали густыми) волосами; с рытвинками оспы кое-где по серому лицу, с усохшею кожной сумочкой на шее (их не рисовали вовсе); с темными неровными зубами, частью уклоненными назад, в рот, пропахший

листовым табаком; с жирными влажными пальцами, оставляющими следы на бумагах и книгах.

К тому ж он чувствовал себя сегодня неважно: и устал, и переел в эти юбилейные дни, в животе была тяжесть каменная и отрыгалось тухло, не помогли салол с беладонной, а слабительных он пить не любил. Сегодня он и вовсе не обедал и вот рано, с полуночи, лег полежать. В теплом воздухе он ощущал спиной и плечами как бы холодок и прикрыл их бурой верблюжьей шалью [15, с. 108].

В этом обширном фрагменте весьма примечателен стилистический прием контраста с противительным союзом «а» в начале второго предложения, подчеркивающий пропасть между мифом о Сталине и реальностью. Образ Сталина в романе А. И. Солженицына максимально приземлён, телесно груб. Это обычный, доживающий свой век старик, не похожий на парадный образ вождя, глядящий с портретов со стен Кремля; не растиражированный образ «друга» детей и трудящихся, транслируемый официальной культурой, но одинокий человек со своими страхами и опасениями, заложник собственных подчиненных. В романе репродуцируются и все известные мифы о Сталине: детально описанные ночные бодрствования, квазидостижения и сверхчеловеческие возможности.

В романе «Кенгуру» Юза Алешковского мотив обычной человеческой «телесности» Сталина реализован с помощью приемов фантастического реализма и доведён до абсурда, когда части тела вождя перестают его слушаться и даже говорят, бранятся и не соглашаясь с ним после беседы с крымским татаринном:

Вот тут-то правая сталинская нога, ты, Коля, хочешь верь, хочешь не верь, сказала тихо, но с немалым злорадством и полной убеждённостию:

- Ты, Сталин, говно!
- Что? Что? – переспросил Сталин.
- Говно, жопа и дурак, – быстро повторила правая нога <...> [1, с. 178].

По всей видимости, этот мотив возникает из-за сведений о состоянии здоровья И. Сталина в 1930–1950 гг., а в конце жизни – о параличе (инсульте) последнего [12, с. 27]. Иными словами, в абсурдно-гротескном модусе восприятия исторических реалий биографический факт доведен до совершенной

фантасмагории, когда паралич приравнен к тому, что части тела вождя не слушаются его в буквальном смысле, сопротивляются его диктаторской воле, открыто протестуют. Кроме того, этот мотив, вероятно, возник под влиянием неслыханной атмосферы развенчания культа личности Сталина его ближайшим соратником Н. С. Хрущёвым. Эпоха «оттепели» внесла свои коррективы в осмысление образа вождя, переформатировала мифологическую «матрицу» из одной крайности в другую, когда чрезмерное восхваление обернулось хулой, что стало для писателей-диссидентов дополнительным триггером в априорно-нигилистическом неприятии вождизма и тоталитарности в любых её инкарнациях и модификациях.

Примечательно, что В. П. Астафьев весьма нелестно и с большой долей критичности, но по-литературоведчески справедливо, отзывался в своём письме к В. С. Камышеву от 16 февраля 1992 г. об И. Бродском и Юзе Алешковском, подчеркивая этот самый диссидентско-нигилистический дух и стиль их творчества: «Вот читаю я в “Звезде” Юза Алешковского прозу и Иосифа Бродского так называемую поэзию и вижу, что гениям среди нас уже делать нечего, мы у края жизни, морали, и вот пришли певцы и проповедники этого края, осквернители слова, надругатели добра, люди вялой, барахольной мысли и злобного пера.<...> и только так возможно восприятие этих, к сожалению, передовых художников, совершенно точно выражающих распад времени и морали совершенно разнuzданными средствами» [5, с. 436].

В советской мифологии тело вождей, как известно, было сакрально: тело вождя мирового пролетариата Ленина до сих пор находится в мавзолее, хотя Сталин, в результате развенчания культа личности, захоронен под стенами Кремля. Однако тенденция неофициальной литературы развенчивать сакральные концепты и символы тоталитарной советской власти наблюдается, казалось бы, даже в совершенно противоположных художественных системах. Эпоха сталинских репрессий порождает однотипную реакцию на них у разных по эстетическим воззрениям писателей.

Рассмотрим концепцию десакрализации советских мифов в «Розе Мира» Д. Андреева. Д. Андреев, много пострадавший от сталинизма, сидевший в эпоху сталинских репрессий за ан-

тисоветский роман «Странники ночи», стихи и якобы за подготовку террористического акта, в «Розе Мира» (1958) создает собственную концепцию десакрализации советских мифов и тоже обращается к теме вождизма и телесности вождей. Посредством мифотворчества он с тонкой иронией изображает «приключения мозга вождя после смерти», развенчивая популярный миф советской пропаганды об удивительных умственных способностях В. И. Ленина. Он изображает его религиозно-мистическое прозрение и раскаяние в содеянном на земле после смерти:

Странно, что никто в свое время, после смерти Ленина, не обратил серьезного внимания на магический, вернее, демонический характер этого никогда и нигде не применявшегося способа создания квазиомщей. <...> в ту минуту, когда из тела Ленина был вынут мозг, этим самым актом была порвана связь внутри эфирного тела усопшего: это тело было лишено своего жизненного центра и распалось, а эфирный мозг усопшего – так называемый рахт – был подхвачен по воле Урпарпа Великим Игвой Друккарга и его помощниками. <...> после мучений на Дне и в других слоях, достигнув через много лет Друккарга, первый вождь отказался принять свой рахт. Умудренный страшным опытом преисподних, он понял, чем это грозит для него и для всего человечества [3, с. 471].

Образ Сталина тоже осмыслен в противоположном ключе – через изображение мистического, экстатического состояния хохха, в которое вождь впадал по ночам, набираясь сил от демонических сущностей потустороннего мира, как пишет Л. Андреев:

В 30-х и 40-х годах он владел хоххой настолько, что зачастую ему удавалось вызвать ее по своему желанию. Обычно это происходило к концу ночи <...>. Выражение лица, какого не видел у него никто никогда, произвело бы воистину потрясающее впечатление. Колоссально расширившись, черные глаза смотрели в пространство немигающим взором. Станный матовый румянец проступал на коже щек, совершенно утративших свою обычную маслянистость. Морщины казались исчезнувшими, все лицо неузнаваемо помолодевшим. Кожа лба натягивалась так, что лоб казался больше обычного. Дыхание было редким и очень глубоким. Руки покоились на подлокотниках, пальцы временами слабо перебирали по их

краям. Хохха – это, собственно, не состояние, а целый тип состояний, отличающихся одно от другого тем, с каким именно слоем и с какой из темных иерархий вступает в общение духовидец [3, с. 467].

Обратим внимание, что и Д. Андреев не отступает здесь от магистрального мифа о бодрствующем по ночам вожде. Образы вождей поданы и осмыслены через их «телесное» инобытие, мистическое бытование – как откровенная насмешка над атеистическими воззрениями и агитками марксизма-ленинизма, как способ осмысления абсурдной реальности, несоответствия публичного и закулисного, театрального и сущностно-бытийного, материального и духовного.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что Д. Андреев, несмотря на склонность к мистицизму, не чуждался юмора и карнавального мироощущения. По воспоминаниям его жены А. А. Андреевой, в детстве репрессированный писатель сочинял «эпопею, где действие разворачивалось в межпланетном пространстве» и, «кроме полагающихся по традиции богов Верховных, <...> там был ещё и им придуманный бог Веселья» [4, с. 7]. Мало того, Д. Андреев известен и как один из авторов сборника гротескных биографий «Новейший Плутарх» (в соавторстве с историком В. В. Раковым и биологом Л. Л. Париным), написанного в конце 1940-х гг. во Владимирской тюрьме. Таким образом, используя «карнавальный код», можно объективно переосмыслить соответствующие части «мистического» трактата «Роза Мира».

Рассмотрим особенности воплощения темы вождизма в «Кенгуру» Юза Алешковского. У Юза Алешковского мотив обыкновенной человеческой телесности Сталина расширяется до дискурса сказочного нарратива, карнавальной свободы и раблезианских образов материально-телесного низа. Прозаик использует известную формулу, приписываемую Людовика XIV, «Государство – это я», восходящую к архаическому отождествлению части и целого, но уже в контексте гротескного реализма и концепции карнавализации М. М. Бахтина [6, с. 36–37, с. 341–342]. Юз Алешковский этот образ трактует как *гротескно-космическое тело вождя*: все части тела Сталина соотносятся с государственно-политическим аппаратом Советского Союза, не всегда согласного с вождем. При этом упо-

добрение «встроено» во внутренний монолог-размышление Сталина, который, находясь в Крыму в Ливадийском дворце – императорской даче Романовых, подвергается приступу непослушания своей правой ноги (намек на «правых уклонистов») и размышляет об этом:

Главное в выдающемся государственном деятеле не ноги, а голова. А если вдруг голова предаст основные постулаты исторического материализма, если заявит моя голова, что, дескать, материя не первична, а главное – свобода духа? <...> Ну, с головой-то я умею справляться. Она будет помалкивать, примерно, как мои половые органы. Вот как быть, если правая рука полезет во время отчетного доклада на очередном съезде нашей партии в боковой карман, вытащит, ликвидаторша и уклонистка, мой партбилет и бросит его с трибуны на пол Большого Георгиевского зала? Бросит и вместе с левой начнет мне бурно аплодировать? Как быть? Что делать, дорогой Владимир Ильич, ответьте, пожалуйста, если заговорят мои внутренние органы? Если обнаглеет даже жопа и со всей большевистской прямоотой своей кишки скажет, что Сталин испортил ей жизнь и что лучше уж быть слепой кишкой, чем смотреть, бессмысленно заседаю и заседаю, на разрушение сущности личного, единственного бытия Сталина. Что делать? Пустить пулю в угрюмый и глубоко враждебный мне лоб или в ненавидящее меня собственное сердце?» – тоскливо подумал в ту минуту Сталин, но сходу взял себя в руки и решил, Коля, так: ваши попытки, господин мозг, господя жопа, сердце и печенки-селезенки, обречены на провал! Мы обрушим на вас всю мощь нашей отечественной, а возможно, и зарубежной медицины! [1, с. 179–180].

Главное – это «голова», то есть только сам верховный вождь, сам инспиратор и руководитель социалистического строительства и всех инициатив, главный жрец и демиург эпохальных свершений, ибо первостепенно – государство, а государство – это сам Сталин. Здесь прозаик намеренно утрирует и сущностно раскрывает «перевернутую» логику концепции сталинизма, когда за основу берётся принцип «перевернутой пирамиды»: основа крупнее макушки – голова больше остальной части тела, поэтому остальные части тела и органы несущественны, от них можно избавиться (в случае необходимости), на них можно «обрушить всю мощь отечественной и зарубежной медицины».

Юз Алешковский использует прием концептуализма, доводя до абсурда советологическое понятие, погружает его в фантазмагорический контекст, уничтожает идеологемумифологему изнутри, утрируя её характерную атрибутику в сказочно-фантазмагорическом модусе повествования. Примечательно, что в этой развернутой аллегории воплощено гротескное смешение внутренних и внешних частей тела, материально-телесных «верха» и «низа» (с акцентированием последнего), с комически-лубочным изображением приобретающих самостоятельность и говорящих частей тела и внутренних органов.

Образ больного и умирающего гротескно-космического тела вождя – это в то же время и пародийно-интертекстуальная «перебранка» с дискурсом соцреализма с его ставкой на «главных» и «второстепенных» вождей, олицетворяющих партийную элиту, состоящую из канонизированных героев-революционеров. Так, читаем в «Поэме о наркоме Ежове», приписываемой казахскому акыну Джамбулу (перевод с казахского К. Алтайского, ноябрь 1937, «Комсомольская правда»): «Ты – меч, обнажённый спокойно и грозно, огонь, опаливший змеиные гнезда, ты – пуля для всех скорпионов и змей, ты – око страны, что алмазов ясней... Он дышит свободно. В нем кости из стали, а мозг его – мудрый и солнечный Сталин. В живом организме Советской страны Ежову вождем полномочья даны...» [9, с. 85; курсив наш. – М. Р.]. Как следует из процитированного, весьма красноречивого, пассажа, идея о едином теле вождя, тождественном «живому организму Советской страны», где второстепенные вожди (наркомы) исполняют волю Сталина, а значит, и волю народа, уже в 1930-е гг. была репрезентирована в парадной поэзии соцреализма. Образ Ежова, в 1937 г. ещё не сброшенного с партийного «Олимпа», как раз является пример такой части тела Сталина – части тела государства, от которой в итоге Сталин избавится в 1940 г. (Н. Ежова, как известно, расстреляли в феврале 1940 г.).

Отметим также, что эти мотивы – у Д. Андреева и Юза Алешковского – частей тела, приобретающих «самостоятельность», восходят к прототексту русской смеховой культуры – повести «Нос» Н. В. Гоголя, имеющей лубочно-сказочные, анекдотические корни.

С другой стороны, в концепции Д. С. Лихачева [11, с. 221], все эти абсурдно-гротескные аллегории о теле вождя – художественные гиперболы по поводу физического состояния И. В. Сталина, который действительно не был здоровым человеком и регулярно проходил различные лечебные процедуры в самых лучших здравницах Советского Союза [12, с. 16–19].

Если Сталин через преувеличенный образ гротескного тела изображён как человек больной и постепенно умирающий, то фигура Ленина в «Кенгуру» помещена в контекст танатологического дискурса – специально, как антитеза мифам о «вечно молодом и вечно живом» «орле номер один» Ленине, равно, кстати, как и в повести «Синенький скромный платочек...» (1980), где изображена смерть душевнобольного, воображающего себя Лениным, отравившегося спиртом. Так, в 1929 г. мировой вор Фан Фаныч, находясь в Берлине, пьёт пиво в баре вместе с национал-социалистами Гитлером и Герингом, произнося *карнавально-площадную речь*: «– Люди, – говорю, – господа! – Тогда, Коля, в пивных речуги кидали. – Пусть все стареет и умирает в свой час, и даже тело Ленина похоронить надо, за что тело-то проклятыми опилками набивать, взятыми с цирковой арены после укрощения львов, рысей и тигров? Опилки же унижением зверей пахнут и мочой, господа!» [1, с. 162; курсив наш. – М. Р.]. Очевидно, что осмысление сакрального образа вождя, находящегося в мавзолее, происходит через мотив цирка, – герой-плут называет себя «эквилибристом» («Я все ж таки эквилибристом бывал...» [1, с. 159]). Испытывая карнавальную свободу, герой-плут травестирует священное тело вождя, приписывая ему атрибуты цирковой бутафории («за что тело-то проклятыми опилками набивать»), мало того, снижая его сакральность подробностями «материально-телесного низа» («опилки же унижением зверей пахнут и мочой, господа!»); а также рассматривает тему смерти с точки зрения карнавального мировоззрения, исключая искусственное возрождение в виде мумификации как «серьёзный жест» («пусть все стареет и умирает в свой час»). При этом, по всей видимости, под «укрощёнными зверями» Юз Алешковский понимает отнюдь не животных, но именно новый тип советских людей, которых подвергли «дрессировке» (перевоспитанию как скрытому виду репрессий), всту-

пая в интертекстуальный диалог не только с М. Булгаковым (достаточно вспомнить Шарикова из «Собачьего сердца»), но и с иносказательно изображёнными животными в «Айболите», «Тараканище» К. И. Чуковского. Кроме того, упоминание цирка и «униженных зверей» – отнюдь не случайно, поскольку одновременно является и исторической аллюзией на римский Колизей с его зверствами над животными и людьми, которые инспирировали римские тираны и диктаторы.

Обсуждение и выводы

Итак, рассмотрев специфику феномена вождизма как важнейшего аспекта темы власти и властных структур в романах Юза Алешковского («Кенгуру»), А. И. Солженицына («В круге первом»), Д. Андреева («Роза Мира») как трёх различных модусах повествования – фантазмагорическом, реалистическом и метаисторическом соответственно, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, если у А. И. Солженицына образ Сталина максимально приземлён, телесно груб (вождь изображен не парадно, не как медийный образ советской пропаганды, транслируемый литературой, газетами и телевидением; не как друг детей и трудящихся – он обычный одинокий старик со своими страхами и опасениями, заложник собственных подчиненных), то в «Розе Мира» Д. Андреева образы вождей поданы через их телесное инобытие как насмешка над атеистическими воззрениями, агитками марксизма-ленинизма. Этот прием становится способом осмысления абсурдной действительности с несоответствием публичного и закулисного, театрального и бытийного. Во-вторых, Юз Алешковский, обращаясь к теме вождизма и мотиву «телесности», десакрализует главные советологические мифологемы: сакральность тела вождя («квазимощи» Ленина в определении Д. Андреева), его сверхчеловеческие качества (утрирование состояния здоровья Сталина) с помощью приемов концептуализма, а также гиперболы, гротеска и абсурда. Писатель репродуцирует архетип гротескно-космического тела вождя как развернутый аллегорический прием десакрализации сталинского режима. Наконец, в «Кенгуру» Юза Алешковского Сталин через преувеличенный образ гротескного тела изображён как больной и постепенно умирающий,

тогда как фигура Ленина помещена в контекст танатологического дискурса как антитеза мифам о «вечно живом» вожде.

Список литературы

1. Алешковский Юз. Собрание сочинений: в 3 т. – М.: ННН, 1996. – Т. 1. – 560 с.
2. Алешковский Юз. Амбивалентная страна // Попов Е. А. Мой знакомый гений: беседы с культовыми личностями нашего времени. – М.: Эксмо, 2018. – С. 25–32.
3. Андреев Д. Л. Роза Мира / сост. и подгот. текста А. А. Андреевой. – М.: Иной Мир, 1992. – 576 с.
4. Андреева А. А. Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой // Андреев Д. Л. Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Московский рабочий; Фирма Алесь, 1993. – Т. 1. – С. 5–26.
5. Астафьев В. П. Нет мне ответа... – М.: Эксмо, 2010. – 634 с.
6. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. / под ред. С. Г. Бочарова, В. В. Кожина. – М.: Языки славянских культур, 2010. – Т. 4 (2). – 752 с.
7. Буренина О. Д. Абсурда поэтика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 7–8.
8. Глэд Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. – М.: Книжная палата, 1990. – 320 с.
9. Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. – Мюнхен: Отто Загнер, 1993. – 410 с.
10. Добренко Е. Поздний сталинизм. Эстетика политики. В 2 т. – М.: Новое литературное обозрение, 2020.
11. Лихачев Д. С. Литература – реальность – литература // Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. – Л.: Художественная литература, 1987. – Т. 3. – С. 221–475.
12. Медведев Р., Медведев Ж. Неизвестный Сталин. – М.: Время, 2007. – 752 с.
13. Осьмухина О. Ю. Алешковский Юз // Русские писатели, XX век: биографический словарь: А – Я / сост. И. О. Шайтанов. – М.: Просвещение, 2009. – С. 24.
14. Попова И. Л. Сатира // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – Стлб. 935–955.
15. Солженицын А. И. В круге первом: роман. – М.: Художественная литература, 1990. – 766 с.

Rishat I. Maksinyaev

Reception of Soviet Vozhdism in Russian Prose of the Second Half of the Twentieth Century (Yuz Aleshkovsky, A. Solzhenitsyn, D. Andreev)

The article is devoted to analyzing the reception of the image of the leader in the novels of Yuz Aleshkovsky ("Kangaroo"), A. I. Solzhenitsyn ("In the Circle of the First"), and D. Andreev ("The Rose of the World") as in three different narrative modus operandi – phantasmagoric, realistic, and metahistorical, respectively. The aim of the study is to identify the specifics of the reception of the phenomenon of vozhidism as the most important aspect of the theme of power and power structures and the comprehension of the period of Stalin's reign. The author applies comparative-historical, socio-cultural methods, as well as the method of holistic analysis of the artwork. It is established, firstly, that while Solzhenit-

syn's image of Stalin is as down-to-earth as possible (the leader is portrayed not paradoxically, but as a lonely old man with his fears and concerns). Andreev's images of the leaders are presented through their bodily otherness, as a mockery of the atheistic views and agitations of Marxism-Leninism, which becomes a way of comprehending the absurd reality, the discrepancy between the public and the backstage, the theatrical and the existential. Secondly, Yuz Aleshkovsky, addressing the theme of *vozhdzim*, desacralizes the main sovietological mythologemes: the sacredness of the leader's body, his superhuman qualities with the help of conceptualism, as well as grotesque and absurd techniques. The writer reproduces the archetype of the grotesque-cosmic body of the leader as an extended allegorical technique of desacralization of Stalin's regime. Finally, in "Kangaroo" by Yuz Aleshkovsky, Stalin is depicted through an exaggerated image of a grotesque body.

Key words: Russian prose of the twentieth century, Yuz Aleshkovsky, A. Solzhenitsyn, D. Andreev, theme of power, image of the leader.

For citation: Maksinyaev, R. I. (2024) *Receptiya sovetskogo vozhdzima v russkoj proze vtoroj poloviny XX veka* (Yuz Aleshkovskij, A. Solzhenitsyn, D. Andreev) [Reception of Soviet *Vozhdzim* in Russian Prose of the Second Half of the Twentieth Century (Yuz Aleshkovsky, A. Solzhenitsyn, D. Andreev)], *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 141–154. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_2_141. EDN: NVRWPC

References

1. Aleshkovskij, Yuz (1996) *Sobranie sochinenij: V 3 t.* [Collected Works: In 3 vols], Vol. 1. Moscow: NNN Publ. (In Russian).
2. Aleshkovskij, Yuz (2018) *Ambivalentnaya strana* [Ambivalent country]. Popov E. A. *Moj znakomyj genij: besedy s kultovymi lichnostyami nashego vremeni* [A genius I know: conversations with iconic figures of our time]. Moscow: Eksmo Publ. Pp. 25–32. (In Russian).
3. Andreev, D. L. (1992) *Roza Mira* [Rosa Mira]. Sost. i podgot. teksta A. A. Andreevoj. Moscow: Inoj Mir Publ. (In Russian).
4. Andreeva, A. A. (1993) *Zhizn` Daniila Andreeva, rasskazannaya ego zhenoj* [The life of Daniil Andreev, told by his wife]. Andreev D. L. *Sobranie sochinenij: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols.]. Vol. 1. Moscow: Moskovskij rabochij; Firma Alesya Publ. Pp. 5–26. (In Russian).
5. Astaf'ev, V. P. (2010) *Net mne otveta...* [No answer for me...]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).
6. Bakhtin, M. M. (2010) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. Rable i Gogol' (Iskusstvo slova i narodnaya smekhovaya kul'tura)* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. Rabelais and Gogol' (The art of words and folk culture of laughter)]. Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenij: v 7 t. pod red. S. G. Bocharova, V. V. Kozhinova* [Collected works: in 7 vols.]. Vol. 4 (2). Moscow: Yazyki slavyanskih kultur Publ. (In Russian).
7. Burenina, O. D. (2008) *Absurda poetika* [Absurd poetics]. *Poetika: slovar' aktualnyh terminov i ponyatij* [Poetics: dictionary of current terms and concepts]. Moscow: Kulagina Publ. Pp. 7–8. (In Russian).
8. Gled, Dzh. (1990) *Besedy v izgnanii: Russkoe literaturnoe zarubezhje* [Conversations in Exile: Russian Literary Abroad]. Moscow: Knizhnaya palata Publ. (In Russian).
9. Dobrenko, E. (1993) *Metafora vlasti. Literatura stalinskoj epohi v istoricheskom osveshhenii* [Metaphor of power. Literature of the Stalin era in the historical light]. Munich: Otto Zagner Publ. (In Russian).
10. Dobrenko, E. (2020) *Pozdnij stalinizm. Estetika politiki. V 2 t.* [Late Stalinism. The Aesthetics of Politics. In 2 vols.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).
11. Lihachev, D. S. (1987) *Literatura – realnost – literatura* [Literature – reality – literature]. *Izbrannye raboty: v 3 t.* [Selected works: in 3 vols.]. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura. Vol. 3. Pp. 221–475. (In Russian).
12. Medvedev, R., Medvedev, Zh. (2007) *Neizvestnyj Stalin* [Unknown Stalin]. Moscow: Vremya Publ. (In Russian).
13. Osmukhina, O. Yu. (2009) *Aleshkovskij Yuz* [Aleshkovsky Yuz] *Russkie pisateli, XX vek: biogr. slov.: A – Ya; sost. I. O. Shajtanov* [Russian writers, XX century: biographical word: A–Ya]. Moscow: Prosveshhenie. P. 24. (In Russian).

14. Popova, I. L. (2001) Satira [Satire]. *Literaturnaya e'nciklopediya terminov i ponyatij* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts. Ed. A. N. Nikol'yukin]. Moscow: Intelvak Publ. Pp. 935–955. (In Russian).

15. Solzhenitsyn, A. I. (1990) *V krugе pervom: roman* [In Circle One: A Novel]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. (In Russian).

Об авторе

Максиняев Ришат Ильдарович, учитель Ромодановской СОШ № 2 (г. Саранск, Российская Федерация); e-mail: maksinyaev.rischat@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-8304-7764

About the author

Maksinyaev Rishat I., Teacher of the Romodanovo Secondary School (Saransk, Russian Federation); e-mail: maksinyaev.rischat@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0005-8304-7764

дата получения: 26.02.2024 г.

дата принятия: 30.03.2024 г.

дата публикации: 28.06.2024 г.

date of receiving: 26 February 2024

date of acceptance: 30 March 2024

date of publication: 28 June 2024